

НАШ ФАДЕЕВ

Вл. ПИМЕНОВ

ТАЛАНТ писателя-коммуниста Александра Фадеева был удивительно ярким, светлым, человеколюбивым и распространялся на все, что Фадеев делал.

Он был прозаиком, публицистом, теоретиком литературы, критиком, социологом, общественным деятелем, но прежде всего обаятельной, озаренной светом правды личностью, образцом простоты, скромности, трудолюбия, деловитости и богатырского размаха во всем, за что он брался.

Труд его как писателя и общественного деятеля огромен.

Мне хочется сказать только об одной и, может быть, совсем немого места занимающей области в жизни Фадеева — о его любви к театру и пристальном внимании к современной драматургии.

О том, что он с особой нежностью относился к МХАТу, Малому и другим театрам, я знал и раньше, и не раз мне приходилось слышать, как театральные деятели Н. П. Хмелев, Р. Н. Симонов, И. Н. Берсенев, Н. П. Охлопков, обращаясь к нему, по-дружески, любовно называли его Сашей. Да и в среде писателей его поколения органически сочеталось глубокое уважение к нему как талантливейшему художнику, видному руководителю Союза писателей с таким простым и обычным обращением — Саша...

Но явственно представить его любовь к театру мне пришлось в период подготовки спектакля «Молодая гвардия» в Театре имени Евг. Вахтангова. Все встречи с ним во время репетиции были очень содержательными и творчески деловыми.

ОДНАЖДЫ в разговоре с ним я заметил, что известный драматург, пьесу которого наш театр недавно поставил (пьеса была на историческую тему, в стихах), не принимал никаких замечаний театра, считая текст своего произведения каноническим. Фадеев на это сказал: «Почему же? Многие лучше, чем тебе самому, видно со стороны, и всегда полезно прислушаться. Когда Юрий Лукин редактировал «Молодую гвардию», он сделал

мне более чем 200 замечаний, и многие из них я принял. Это пошло на пользу роману».

Фадеев отнесся к спектаклю вахтанговцев, я бы сказал, ревностно, смотрел с большим волнением, не стесняясь, вытирал глаза платком.

Близость его к театру была прежде всего близостью к актеру и к его работе. Он не давал рецептов, а дружески беседовал о существе художественного образа, видел в актерах и режиссерах соратников в общем творческом деле. Много раз говорил, что он полностью удовлетворен работой вахтанговцев. По его просьбе именно наша инсценировка была распространена по театрам страны.

ВСПОМИНАЮ один случай, свидетельствующий о большом внимании Фадеева к судьбам актеров. Комитет по Государственным премиям направил меня в Днепропетровск для предварительного просмотра спектаклей, выдвинутых на соискание премий. Мне очень понравился спектакль «Навеки вместе» по пьесе Л. Дмитриев в Театре имени Т. Шевченко. Командировка неожиданно задержалась, и представление установленных материалов к сроку запоздало. Я послал телеграмму Фадееву о том, что спектакль очень интересен, и просил отложить решение вопроса до получения материалов. Фадеев тотчас сообщил мне, что в Днепропетровск выезжает член комитета Алексей Дмитриевич Попов. Так и было. На заседании комитета, несмотря на истечение всех сроков представления материалов, спектакль «Навеки вместе» был обсужден, и ему была присуждена Государственная премия.

Я мог бы привести и другие примеры, когда Фадеев сердечно поддерживал спектакли «Старые друзья» Л. Малюгина в Театре имени М. Ермоловой, «В одном городе» А. Софронова в Театре имени Моссовета, «За тех, кто в море» Б. Лавренева в Малом театре.

С Борисом Лавреневым его

связывала давняя и крепкая дружба. Фадеев был моложе своего друга на десять лет и всегда считался с его авторитетом. Б. Лавренев много лет был председателем комиссии по драматургии Союза писателей и читал множество пьес, особенно написанных молодыми. Но мне было известно, что Лавренев регулярно получал от Фадеева почти со множеством различных новых пьес, прочитанных Фадеевым и присылаемых с теми или иными его замечаниями. Позднее, работая в правлении Союза писателей СССР, я сам поражаюсь тому, как много пьес читал Фадеев. В личных беседах и присылаемых в комиссию многочисленных записках он просил достать ему новые рукописи драматургов или, наоборот, сообщал мне о прочитанном. Прочитав пьесу «Песнь о черноморцах» Б. Лавренева, он срочно попросил собрать все рецензии о ней. Оказалось, что их просто нет. Но Фадееву пьеса очень понравилась, и он способствовал ее постановке в Центральном театре Советской Армии. Прислал ему пьесу старейший писатель А. Бибик. Фадеев пишет письмо в комиссию по драматургии с просьбой отнестись внимательно к труду старого писателя, помочь ему, ответить обстоятельно, рекомендации высказать дружески. Он любил драматургию А. Корнейчука, и когда появилась пьеса «Макар Дубрава», Фадеев, прочитав ее, сказал, что это настоящая человеческая драма. Он с волнением говорил о точном изображении шахтерских характеров. А он знал Донбасс!

Фадеев в изобилии читал прозу, но и драматургию он знал отлично, всячески поддерживал связи с драматургами из союзных республик.

ОДНАЖДЫ Фадеев сообщил, что в ЦК комсомола будет обсуждаться вопрос об одноактных пьесах для художественной самодельности. Он попросил дать ему побольше одноактных пьес и внимательно читал их. Настал день совеща-

ния. Группа писателей была приглашена в ЦК комсомола. Сопровождение вел А. Н. Шелепин. Выступал и Фадеев, показав отличное знание пьес, он сделал конкретные предложения по части улучшения идейно-художественного качества одноактной драматургии.

Всегда не просто обстоило дело с изданием пьес. По существу, пьесы в журналах почти не печатались, за исключением журнала «Театр». Редко выходили отдельные авторские сборники. Фадеев считал, что драматургия как литература должна приходить к читателю, и по его предложению в издательстве «Искусство» стала выходить многолетняя антология советской драматургии.

В ДЕНЬ своего пятидесятилетия, на вечер в Центральном доме литераторов, Фадеев обратился к писателям: «Я вас люблю... и я глубоко благодарен за то, что вы платите мне тем же». Эти слова были покрыты аплодисментами. Да, он любил писателей и писатели любили его. Его, классика литературы социалистического реализма, доблестного борца за мир, любил народ. И любил прежде всего за то, что Фадеев сам так точно определил: «Вся моя сознательная жизнь прошла в рядах партии. Я, действительно, только первые шестнадцать лет был беспартийным. Все лучшее, что я сделал, — на все вдохновила меня наша партия... Я думаю, что за всю историю человечества не существовало более величайшего коллектива, чем наша партия, которая вобрала в себя лучшие силы народа и с их помощью ведет народы всех национальностей к справедливой жизни, к коммунизму. Это величайшее торжество человеческого коллективного разума над стихией общественного развития, и я горжусь тем, что принадлежу к этой великой партии и иду за ней преданно и беззаветно».

Таков он был, Александр Александрович Фадеев, красавец-человек с неизменно молодой душой, какая может быть только у творца нового мира, коммуниста. Таким мы его помним. Таким он будет оставаться неизменно в живой жизни нашей советской культуры.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ПРИКАЗ БЫЛ НЕОЖИДАННЫМ: группе журналистов наладить издание новой газеты «Литература и искусство». Иные роптали: их больше влекли редакции военных газет. Неудомевали... «Литература и искусство»? Кому она нужна, такая газета, в эти грозные декабрьские дни 1941 года!

И тут оказалось, что у неродившейся еще газеты есть мозг и сердце. В промерзших редакционных клетушках появился Александр Фадеев.

Главный редактор не произносил громких слов о том, что создание газеты — важная боевая задача. Но все, даже заядлые скептики, это сразу ощутили. Скептики были окончательно посрамлены, когда к новому, 1942 году, вышел первый номер газеты.

Я видел людей, которые плакали, раскрывая этот номер: радостное волнение вызывал самый факт появления газеты «Литература и искусство» в час тяжелейших военных испытаний. Этот факт был показателем жизненной силы социалистической культуры, укреплял уверенность в грядущей нашей победе.

Так начиналась новая газета, помогавшая еще теснее сплотить художественную интеллигенцию вокруг ленинской партии, которая руководила битвой невиданного масштаба... Газета, в каждую полосу которой был вложен журналистский, редакторский талант Александра Фадеева.

Синие его глаза светили от радости, когда кто-нибудь предлагал острый заголовок или интересную рубрику. И сам он изобретал непрестанно, намекая авторам. Казалось, у него в памяти все литераторы страны и каждому он знал цену: «Надо этого найти непременно, это смелый!».

Он ненавидел бумагу, печатанные на машинке. Десяток авторов были адресованы начертанным мелким фадеевским почерком личные письма и записки, где изложены желательные темы статей, стихов, корреспонденций, рецензий...

ДЕСЯТЬ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Писатель Александр Фадеев был депутатом Верховного Совета СССР от Сорочинского избирательного округа Оренбургской области. Об одной из сторон его многогранной депутатской деятельности рассказывает оренбургский писатель Леонид БОЛЬШАКОВ.

СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

И. СЕЛЬВИНСКИЙ. «Контрольный экземпляр». М. Пришвин. «Сигнальный экземпляр». А. Головкин. «Контрольный...». А. Адалис. «Сигнальный...».

Я не в Книжной палате, а в библиотеке небольшого районного городка. Откуда здесь книги с такими штампами?

Оттуда же, откуда и эта, с дарственной надписью известного писателя. Из личной библиотеки Фадеева. И попали они сюда не случайно.

...Книг в Сорочинской библиотеке было мало. Фадеев узнал об этом уже в первую свою предвыборную поездку. Узнал и обещал помочь.

Месяца два спустя от него пришло письмо: «Я уже зондировал почву насчет пополнения Вашей библиотеки». Но — не скрывал депутат — «зондирование» оказалось неуспешным. Москва занималась комплектованием библиотек для городов и сел освобожденных районов, разграбленных фашистами; книги направлялись прежде всего туда.

«Болезнь, не мог продвинуть вопрос с книгами...» — писал Фадеев в другой раз, месяцем или двумя позднее.

И вдруг книги стали приходить — день за днем, посылка за посылкой. Новые издания классиков... Только что вышедшие романы и повести современных писателей... Томики стихов военных лет и первого мирного года... На многих были типографские штампы: «контрольный», «сигнальный». На некоторых оказались дружеские надписи и посвящения.

Их присылал Фадеев.

Они были ему дороги, книги друзей. Но у него в шкафах эти тома стояли как сувениры, а в Сорочинске людям нечего было читать. И Александр Александрович решительно снимал их со своих полок.

Книжные посылки от него приходили не только в сорок шестом, но и в последующие годы. Были в них и книги, которые носили следы его чтения.

...С волнением касаясь книг из фадеевских посылок. Во многих руках побывали они, иные зачитаны до дыр, но кажется, что и поныне сохраняют они тепло его рук, его глубокие раздумья.

«...И у коллектива свой характер. И коллектив требует воспитания. Разве не так?»

«Как важно, чтобы колхозный вождь, ставшая материально заинтересованная колхозником в успехе артельного хозяйства, сам прежде всего был человеком идейным. Высших коммунистических принципов, готовым пренебречь ради них

всеми материальными выгодами...».

Знаток литературного наследия писателя не найдет этих записей ни в романах, статьях, письмах Фадеева, ни даже в его записных книжках. Строки, приведенные мной, взяты из прочитанной им книги Михаила Жестева «Под одной крышей» («Советский писатель» 1955 г.).

Как внимательно читал Александр Александрович эти «кошки» из жизни одного отстающего колхо-

Заметим в скобках, что газета «Литература и искусство» появилась взамен четырех изданий довоенного времени: «Литературной газеты», газет «Советское искусство», «Кино» и «Архитектурный». Три года спустя она вновь разделилась на «Литературную газету» и газету «Советское искусство», предшественнику нынешней «Советской культуры».

Газета была многожанровой, но главное место занимала в ней публицистика — статьи, фельетоны, памфлеты. Почти каждый ее номер вызывал истерические отклики ведомства Геббельса. На летучках Фадеев говорил: «Вот так и держать: каждый номер — залп!».

Можно многое рассказать о чрезвычайной взыскательности Фадеева как редактора. Беспощадный к себе, к собственной литературной строке, он строго судил любого автора, пусть самого маститого. Он не терпел «глаголющих», любил шероховатое, но точное слово и ни- когда не переиначивал чужие тексты — даже насмешливые репортажные заметки. Зато с яростью вымарывал пустые слова, целые фразы, абзацы, всякий раз приговаривая:

— Да, да, конечно, если автор не возражает...

Но чаще всего он ценил не изящество слога, а глубину и точность мысли, первоизданную силу факта.

...В редакцию поступили первые сообщения о подвиге краснодонских комсомольцев. Думали, кого бы послать в Краснодар, чтобы узнать обо всем подробнее?

Вдруг Фадеев сказал:

— А, знаете... Я поеду сам... Коли редакция отпустит.

Через несколько месяцев он читал нам первые главы «Молодой гвардии». Казалось, работа над романом поглощала его целиком, и все же... И все же на свежем оттиске каждой газетной полосы появлялся такой знакомый нам редакторский гриф: буква Ф, похожая на знак бесконечности.

Александр НОВОГРУДСКИЙ, быв. ответственный секретарь газеты «Литература и искусство».

Сорочинский район огромными целинными массивами похвастаться не мог. Тем не менее поднимали вековую непамять и здесь. В некоторые хозяйства приехали на подмогу комсомольцы-добровольцы.

В один из дней той весны вбежал в библиотеку возбужденный парень и с ходу потребовал:

— «Молодую гвардию»!

Ни на абонементе, ни в читальном зале книги не оказалось.

— То есть, как это нет? Да я за ней специально приехал! Да у нас самая страда! Да...

Он горячился, но его горячность на библиотекаря не действовала. Не подействовала бы и дальше, не произнеси парень магического слова: целина.

— Мы, знаете, так решили: выработано звано на целине больше — получай книжку на сутки, обогнали соседи — отлай, хоть и не дочитай. Переходящая книга! Потому как читали ее немногие, а прочесть хотят все... И такое дело сорвали!

Библиотекарь почувствовала угрызения совести.

— Представьте себе: книга — как знамя. Никакая другая не заменит. Только «Молодая гвардия»... Был бы Фадеев ближе — до самого дошел бы, а ребятам привез!

Тут уж она решилась. Книга с авторграфом оказалась в руках целинника.

И... библиотекарь не успела даже адреса записать, как необычный гонец исчез.

Справки, конечно, наводили. Но оказалось, что соревнование за право первыми прочесть «Молодую гвардию» было той весной не в одном хозяйстве.

Дар Фадеева в библиотеку не возвратился.

ВНИМАНИЕ к библиотеке началось в Сорочинске с легкой руки Фадеева, точнее, с его посылки.

Книги, присланные им, сразу увеличили приток читателей, и тесно стало в маленькой комнатке на дальней улице. И являлась дерзкая мысль: строить новое здание.

Строил весь Сорочинск. Открывал весь район. Это произошло уже после смерти Фадеева. Библиотека его имени стала памятником писателю и депутату.

...Библиотека растет — главная в своем районе и одна из лучших на все Оренбургские. Сорок тысяч книг на полках. Конференции, лекции, передовики, встречи с писателями... Жил бы Фадеев — непременно стал здесь желанным гостем!

Леонид БОЛЬШАКОВ.

ПИСАТЕЛЮ И ДЕПУТАТУ

за!» Вместе с автором он думал, искал ответы на большие вопросы, и черточки под печатными строками — то легкие, то жирные — выделяли самое важное, а змейки на полях как бы говорили: такое я мог бы сказать сам.

И мне понятно: Фадеев против жизненной философии персонажа книги — Егора Васильевича, для которого главное — уложиться в срок и выполнить план, а остальное — механизация, агротехника, зажиточность колхозников — дело второстепенное.

И нет у меня сомнений, что Фадеев думает о красоте так же, как герой очерков Темляков:

«И вдруг эту красоту Темляков увидел не в восходе солнца и не в рассветной тишине, а в несметных богатствах земли. Вот он стоит среди высоких трав, которых хватит, чтобы прокормить большое стадо; вон там, за рекой, уже золотятся хлеба; а дальше, на горизонте, колхозные леса, способные дать топливо и жилье десяткам деревень...»

«Новая красота» — помечает Фадеев на полях.

Я открываю еще одну книгу: Валентина Овечкина «На переднем крае»... И снова встречаюсь с Фадеевым, вхожу в круг его дум.

Змейка вдоль текста:

«Мне, жившему ближе к ним, многое в их колхозах — и хорошее, и плохое — было видно. Чувствовалось, что у самих председателей в душе осталось еще что-то от мужика, от крестьянской ограниченности. Все для нашего колхоза, а что за нашими межами — хоть пожаром сгори. Любите колхозное, как свое. — этому они научились...»

Толстая, густая галочка отмечает фразу: «А ДОРОЖИТЬ ГОСУДАРСТВЕННОМУ, КАК КОЛХОЗНОМУ,

ЭТОМУ ИМ ЕЩЕ НАДО БЫЛО НАУЧИТЬСЯ».

...Книги с его пометками — это как бы эстафета мыслей большого человека. И не случайно, что поделился Фадеев ими — книгами и мыслями — с близкими ему людьми, с избирателями...

КНИГА В ЖИЗНИ

— А его книги в посылках были? Им написанные?

— Были...

«Молодая гвардия» должна выйти в течение ближайших двух недель. Сразу же пришло Вам некоторое количество».

— так писал он в Сорочинск 1 июня 1946 года.

И вскоре прислал.

Когда еще в маленькой библиотеке дождался бы первого издания популярнейшего романа! А тут дорогие книги появились чуть ли не на второй день после выхода в свет. Да притом не в одном и не в двух — в добром десятке экземпляров.

Сегодня из всего этого десятка мне смогли показать один-единственный. Библиотекари назвали бы его «усталым». Я же подумал: бывшая книга! Мы часто называем бывалым того, кто много трудился и храбро волевал, изведая горе, лишения, невзгоды, не раз держал суровые жизненные экзамены — и не только выстоял, а и вышел победителем. Почему же нельзя сказать так о книге?

Дарственную надпись Фадеев в свое время сделал только на одном экземпляре. Его-то мне всего больше хотелось отыскать. Однако я смог обнаружить лишь следы, которые обрывались, не приведя к книге.

...Очередь за «Молодой гвардией» была такой, что сначала пустили по рукам и книгу с авторграфом. Сколько рук она обошла — кто знает, только потом ее все-таки из оборота изъяли и решили сохранить на память.

Но однажды...

Шла весна пятьдесят четвертого. Самым популярным в стране стало слово «целина». Оно будоражило умы, раскрывало сердца.